

Иван ПЕТРУНКЕВИЧ (1843-1928):

ИЗ ЗАПИСОК ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Юрий Колкер

Выдержки и пересказ наиболее интересных мест из воспоминаний Петрункевича "Из записок общественного деятеля" (Берлин, 1934).

"Борьба красного и белого террора представляла зрелище в высшей степени тяжелое, и мы были готовы на любые жертвы, чтобы заменить этот вид борьбы противостоянием более человечным. Мы ясно видели, что правительство, обладавшее всей властью прекратить террор в самом его зародыше, ни в чем не идет навстречу времени и не готово удовлетвориться никакими уступками. Поэтому и я, и Линдфорс, случалось, давали убежище "нелегальным", не спрашивая даже, террористы они или нет. Мы не сомневались, что наши товарищи и единомышленники в губернском земстве думают так же, как и мы. Но мы не знали, как настроены широкие круги общества. Для того чтобы выяснить это, Линдфорс и я отправились в Киев, где были полностью поддержаны местными украинофилами. Мало того, было принято решение провести встречу с руководством террористов, а до этой встречи мы поставили своей целью всячески распространять нашу точку зрения.

Как раз в это время в Харькове готовились к проведению юбилея украинского писателя Квитки-Основьяненко, и наша группа обратилась к организаторам с просьбой дать нам возможность изложить наши мысли публично. Как и ожидалось, в Харьков съехалась масса народу. На торжественном заседании в Харьковском университете с замечательной речью выступил знаменитый профессор-филолог Потебня, а вечером состоялся многолюдный банкет, где также прозвучало немало речей, посвященных памяти писателя и украинского патриота. Затем слово было предоставлено мне. Моя речь была чисто политической. Я говорил о тогдашнем состоянии России. Несправедливо было бы думать, сказал я, что образованное общество останется равнодушным к террору, идет ли он снизу или сверху. Этот путь ведет куда угодно, но только не к свободе и не к конституции. Террор в равной степени свидетельствует о слабости правительства и слабости общества. Общество, говорил я, обязано прямо выступить с осуждением террора революционеров - но вместе с тем и правительства, действия которого не соответствуют ни достоинству русского народа, ни интересам великого государства. Общество, закончил я, одинаково против убийств из-за угла и против виселицы. Едва я кончил, вся зала поднялась с мест и долго рукоплескала мне, а многие подходили позжать руку. Таким образом первая наша задача была выполнена. Мы убедились, что масса образованного общества - на нашей стороне.

На очереди было совещание с террористами. Мы с Линдфорсом не считали возможным привлекать к нему кого-либо другого, кроме нас: опасность была слишком велика. Все дело мы держали в строгой тайне даже от самых близких нам людей. С другой стороны, террористы поставили нам условием, что никто не будет знать их фамилий. Устройство собрания взял на себя Вильям Людвигович Беренштам, известный киевский украинофил. Предоставляя для собрания свою квартиру на Бибиковском бульваре, он буквально рисковал головой: Киев находился на военном положении, а генерал-губернатор Чертков недаром слыл вешателем. Однако жестокость киевских властей преспокойно уживалась с бестолковостью полиции, так что наше совещание состоялось в назначенный день и час и затянулось далеко за полночь. Было это 3 декабря 1878 года. Главари южных террористов явились почти полностью. В последующие годы мы узнали имена некоторых из них - одни (Осинский, Антонов) были повешены, другие (Ковалевская, Людмила Волькенштейн) погибли в Сибири. Поставленный нами вопрос заключался в следующем: согласны ли террористы временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, возможность поднять общественность на открытый протест против правительственной внутренней политики? Долгие и горячие споры не привели к согласию или каким-либо решениям. И все же мы вынесли впечатление, что наше предложение имело некоторый успех, и что если нам удастся сдвинуть общество с мертвой точки равнодушия, то террористы поймут необходимость приостановить насилие. Мы еще раз убедились, что при малейшей готовности правительства разговаривать со страной террор потерял бы под собою почву. Но было ясно и то, что террористы жизнью своих не пощадят и первыми ни на какие уступки ненавистному правительству не пойдут.

Совещание это, происходившее в самом центре жандармского сыска, осталось никому неизвестным вплоть до публикаций американского исследователя русского общества Джорджа Кеннона, с которым я познакомился много позже, в Твери. Для меня эта киевская сходка памятна еще и одним из важнейших событий в моей личной жизни. На ней в качестве наблюдателя присутствовала **графиня Анастасия Сергеевна Панина***. Мы познакомились - и в ней, в ее уме и сердце, я обрел чистейший источник энергии, любви и жертвенности, поддерживающий меня до сего дня. Мы обвенчались спустя три с половиной года, уже в Смоленске, где я находился в ссылке..."

*Примечание администрации сайта: Анастасия Сергеевна Панина (урожденная Мальцова, 1850 - 1932) – мать Софьи Владимировны Паниной.